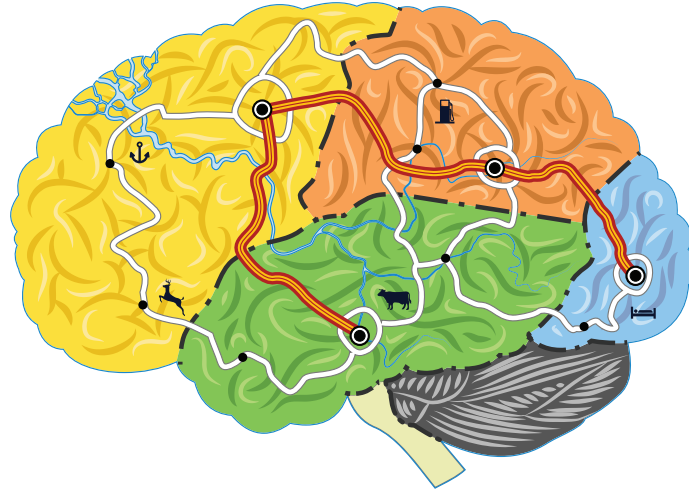

Атлас стереотипов и предрассудков

YANKO TSVETKOV

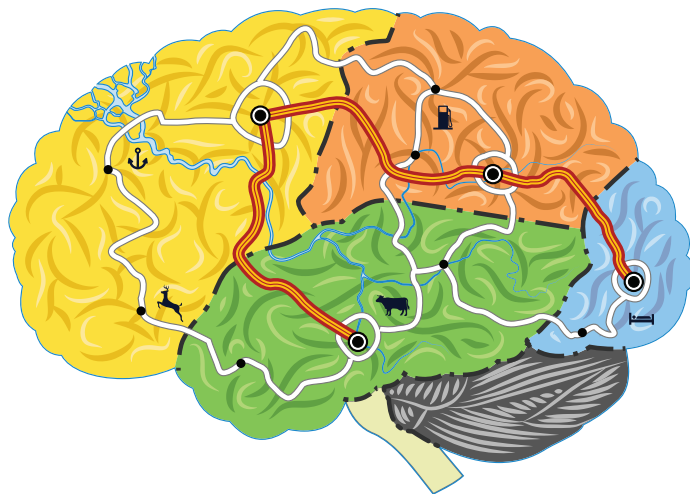

Atlas

OF
PREJUDICE

KNESEBECK

ЯНКО ЦВЕТКОВ

Атлас

СТЕРЕОТИПОВ И ПРЕДРАССУДКОВ

Перевод с английского

Москва
2013

УДК 371.673.3:316.647.8
ББК 76.1,35:88.542.54
Ц27

Переводчик Анастасия Маркелова
Редактор Наталья Нарциссова

Цветков Я.

Ц27 Атлас стереотипов и предрассудков / Янко Цветков ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 80 с.

ISBN 978-5-91671-268-1

Этнические противостояния издревле были плодородной почвой, на которой буйным цветом расцветали самые нелепые стереотипы. Национальная гордость, граничащая с чувством превосходства, нередко мешает видеть реальность. В своем сатирическом атласе Янко Цветков представляет все вариации предубеждений и иллюзий, на которые способен человеческий разум, — от мира глазами первобытного человека до карты Европы в 2022 году, — сопровождая их остроумными эссе на исторические и геополитические темы.

УДК 371.673.3:316.647.8
ББК 76.1,35:88.542.54

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-268-1 (рус.)
ISBN 978-3-86873-592-5 (англ.)

© Yanko Tsvetkov, 2013
© Издание на русском языке, перевод.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректор *М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*

ООО «Альпина нон-фикшн»
123060, г. Москва, ул. Расплетина, д. 19,
офис 2
Тел. (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90/8 (модиф.).
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объем 10 печ. л.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

72	Магический кристалл
57	Средиземье
14	К слову о предубеждениях
65	Ворчливая бабушка Европы
7	Предисловие
68	Великий европейский сердцеед
25	Современная Европа
8	История проекта
78	Об авторе
79	Примечания и благодарности
45	Американский мир
73	Европа в 2022 году
62	Эпоха инцеста в Европе

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аристотель утверждал, что у женщин зубов меньше,
чем у мужчин; и несмотря на то, что он был женат дважды, ему
так и не пришло в голову проверить правильность этого
суждения, заглянув в рот своей жене.

Бертран Рассел
(об отце логики)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наконец-то жара хоть немного спала. Август на исходе. Не немецкий август — испанский. Такой август, когда на солнце можно поджариться за считанные минуты, если оставить кожу неприкрытой. Такой август, когда сухие ветра Сахары, впитав влагу Средиземного моря, размазывают ее по вашему лицу маслянистым слоем, который не смывается даже под душем. У многих сейчас заканчиваются летние отпуска — по крайней мере у тех, кому посчастливилось иметь работу, от которой нужно отдыхать.

Моя лента в Twitter трещит по швам, забитая жалобными постами: друзья из Англии и Германии оплакивают окончание своих отпусков и с ужасом думают о погоде, ожидающей их дома. Иногда меня так и подмывает вступить с ними в полемику, заметив, что парочку недель еще можно повариться в собственном соку, но провести так все лето — отнюдь не весело.

Я только что отправил своему литературному агенту письмо с просьбой перенести сдачу первого чернового варианта этой книги на понедельник. Я писал ее весь август, однако пока у меня есть лишь разрозненные

куски, которые не складываются в общую картину. Одни из них слишком личные, другие написаны так, что могут заинтересовать только специалистов, третьи — просто поток бессвязных мыслей, возникавших в моем перегревшемся мозгу в минуты отчаянья.

Но винить мне, кроме себя, некого. Я настоял на том, что сам напишу текст для проекта, вместо того чтобы заказать его другим авторам. Конечно, определенный писательский опыт у меня есть, но за книгу я взялся впервые. Поэтому, пожалуйста, не забрасывайте меня камнями, если она вам не понравится! Ведь если вы кинете в меня камень, мне придется ответить вам тем же.

По мнению одного моего приятеля, в этом желании сделать все самому виноват мой нарциссизм. Мне повезло: у меня есть друзья, которые по-настоящему откровенны со мной. И все же мне думается, что он неправ. Чего я действительно хочу, помимо славы и денег (которые неминуемо придут, когда я издам свою книгу), — это иметь возможность продолжить диалог, начатый мной еще в начале 2009 года, когда увидела свет первая «Карта стереотипов».

ИСТОРИЯ ПРОЕКТА

Был январь. Не испанский январь — болгарский. Все было завалено снегом. Белье, вывешенное на балкон в доме моей матери, оледенело, и трусы под порывами сильного ветра угрожающе хлестали по оконному стеклу. Шлеп-шлеп-шлеп. Холод пытался пробраться внутрь, подкрасться к дровам, потрескивающим в камине. Я только что получил сообщение из Берлина от моей подруги Биргит. Послание было коротким: она спрашивала, все ли у меня в порядке и в тепле ли я. Сообщение заканчивалось словами: «Пожалуйста, срочно ответь!» Через несколько минут другой мой приятель, из Испании, написал мне то же самое.

Увидев столь встревоженные послания, вы могли бы подумать, что я оказался в эпицентре какого-то природного катаклизма и мои друзья интересовались, выжил ли я. Нет, что вы! Что может сравниться со стихийным бедствием? Только катастрофа в области международной политики. Президент Путин, недовольный прозападным курсом Украины, решил воспользоваться единственным доступным России оружием массового убеждения — природным газом. Россия прекратила поставки газа по всем трубопроводам,

идушим через территорию Украины, оправдывая это тем, что стороны не сошлись в цене. Разумеется, это поставило под удар не только саму Украину, но и весь Европейский Союз — именно на его странах прекращение поставок отразилось сильнее всего. Гениально!

Мои друзья узнали о газовом кризисе из новостей, но не все из них следили за политическими событиями настолько внимательно, чтобы понять, почему он произошел. И поскольку мало кто любит читать пространственные аналитические тексты, я решил нарисовать простую сатирическую карту, пролив таким образом свет на сей предмет. Мало что мне удавалось сделать так быстро! Я разместил ее на фотообменнике, и мои друзья начали оставлять комментарии. Некоторые из них писали, что это самый лаконичный анализ политических событий, который им доводилось видеть. Но я, с детства составлявший карты ради собственного удовольствия, не придавал сделанному особого значения. Эта карта не была задумана как часть какого-то проекта — скорее это было что-то вроде одной из тех шуточек, которые отпускаешь и тут же забываешь.

Спустя полтора года я нервно расхаживал перед своим домом в Лондоне, ожидая, пока

ЕВРОПА, КАКОЙ ЕЕ ВИДЕЛИ В ЯНВАРЕ 2009 ГОДА

за мной заедет водитель. Мой друг, венесуэлец Эмилиано, сопровождал меня в качестве моральной поддержки. Если бы вы видели мое лицо в тот момент, то подумали бы, что мы собираемся на похороны. А если бы взглянули на Эмилиано — решили, что он выиграл в лотерею.

Но дело было в другом. Я ехал на BBC давать интервью, посвященное моей карте. А выражения на наших лицах так различались не только потому, что интервьюировать собирались именно меня. Я со своим славянским менталитетом то и дело представлял себе, как провалю интервью, онемев от ужаса. А Эмилиано, с его латиноамериканским мироощущением, радовался тому, что мне повезло и мою случайную идею оценили на таком высоком уровне.

Я изо всех сил пытался отвертеться от того, чтобы за мной присылали машину. Ведь я не просто славянин, но еще и воспитанный на коммунистических идеалах и потому привык обходиться собственными силами. В моем понимании поездка по Лондону с водителем была империалистической роскошью, от которой нужно было любой ценой отказаться. Сотрудница BBC, говорившая со мной по телефону, никак не могла взять в толк, почему я так рьяно сопротивляюсь. Устав слушать мою болтовню о том, как я люблю ходить пешком, как мне нравится метро и как я уважаю автобусы, она почти

выкрикнула в отчаянии: «Ну почему же вы не хотите, чтобы я высала за вами машину?» Тогда-то я, наконец, сообразил, что моя гипертрофированная тактичность может быть истолкована как полная бестактность и даже грубость, и все-таки дал ей свой адрес.

Водитель, приехавший за нами на большом черном «пежо», оказался дружелюбнейшим из кенийцев, которых я когда-либо встречал. Правда, и единственным. Он спросил нас, о чем будет интервью. «О картах, отражающих национальные стереотипы», — ответил Эмилиано, зная, что сам я сейчас говорить не в состоянии. «Любопытно, — сказал водитель. — А можно мне посмотреть?»

Я еще ни разу не рисовал сатирическую карту Кении, но моя идиотская нервозность достигла таких масштабов, что я тут же представил, как водитель выбрасывает мое мертвое тело в Темзу. Эмилиано в этой воображаемой сцене я не заметил, отчего тут же задался тревожным вопросом — он стал соучастником убийства или просто сбежал через окно за несколько секунд до того, как я перестал дышать? Паранойя — высшая форма поэзии.

Но не одно лишь мое воображение было тому виной. За несколько минут до выхода из дома я позвонил своей маме в Болгарию и сообщил ей радостную новость. Все, что она смогла из себя выдавить, — это «Будь осторожен! Ты же не хочешь никого обидеть?». Моя мама не только была воспитана

при коммунизме, но и прожила при нем большую часть жизни. В то время шутки о политике были сродни курению марихуаны. Если находилось слишком много свидетелей твоего проступка, ты мог запросто оказаться за решеткой.

Я знаю об этом не понаслышке — дядя моего отца сидел в тюрьме. Позже он сбежал за «железный занавес», перебравшись через реку на границе с Югославией. Он был не один — с ним бежали его жена и четырехлетняя дочка. Из-за этого всех моих родственников по папиной линии при коммунистическом режиме считали потенциальными предателями, и они научились держать рот на замке. Научились так хорошо, что я узнал об этой драме, только когда мне исполнилось восемь. Моя бабушка ни с того ни с сего вдруг рассказала мне, что у нас есть родственники в Германии, и немало. Она также заметила, что сейчас мне дозволено это знать, но болтать об этом все же не стоит.

Бабушка показала мне маленькую красную коробочку — туда она тайком складывала открытки, которые на протяжении многих лет получала от своего брата — дяди моего отца. Германия, Ливан, Африка, Гавайи, Аризона, Калифорния, Кения... Места, о которых я почти ничего не знал. Я помню, как спросил тетю, могу ли я поехать в Италию. «Нет! — отрезала она. — Италия — капиталистическая страна!» В то время обычным людям

строго-настрого воспрещалось ездить в капиталистические страны. И я тогда подумал, как досадно не иметь возможности поехать в страну с таким красивым названием. Тетушка также сказала мне, что Италия своими очертаниями на карте напоминает огромный сапог и что в определенный момент эта страна была близка к тому, чтобы стать коммунистическим государством, но, к несчастью, осталась в сфере влияния Америки. Я отчетливо помню, как меня опечалила эта новость. Я даже мечтал о том, что однажды освобожу Италию.

У меня было мало книжек с картинками, и я играл с тетиными атласами, которые бабушка с дедушкой хранили в подвале. Каждый раз, когда бабушка отправлялась в подвал за баночкой варенья, я шел следом. Я боялся темноты, и потому пойти вместе с бабушкой было для меня единственной возможностью оказаться рядом с коробками старых книг, не рискуя быть съеденным монстром, который жил прямо за кирпичной стеной подвала. По какой-то неизвестной мне причине бабушка позволяла мне взять только одну или две книжки за раз. Вероятно, она боялась, что я буду разбрасывать их по всему дому. Поэтому наши совместные походы за вареньем были довольно частыми.

Я помню, как брал какой-нибудь атлас, прижимал лист к оконному стеклу, поверх него клал чистый листок бумаги, так чтобы атлас

просвечивал сквозь него, а затем обводил шариковой ручкой контуры стран. А вскоре начал менять границы. На многих исторических атласах были изображены различные колониальные империи. Я сильно удивился, обнаружив, что Африкой управляли европейцы. Сначала я не мог этого понять.

Затем, после того как кто-то объяснил мне в общих чертах суть колонизации, мне стало грустно, потому что у Болгарии никогда не было колоний. И я начал рисовать воображаемые карты, на которых старательно исправлял это недоразумение. Особую слабость я питал к острову Науру — владение маленьким островком в Тихом океане казалось мне пределом мечтаний. Однако довольно скоро я почувствовал себя на этом острове одиноко и поделил его между несколькими государствами, которые, по моему плану, должны были стать союзниками Болгарии. В число этих государств, конечно, входила Италия. Я с особым старанием выписывал ее название. Все-таки оно очень красивое.

У Болгарии, может, и не было колоний, но я заметил, что размеры нашей страны в веках сильно менялись. Моя учительница истории однажды рассказала, что в X веке это было самое большое королевство на Балканах.

В школе мы каждое утро пели песню в память о тех героических днях, когда наш

король взял в осаду Константинополь. В коммунистических государствах редко воспевают подвиги монархии, но этот случай был исключением. Из соображений исторической правды песня не могла закончиться завоеванием города, но ей все же удавалось поднять наш дух и укрепить национальное самосознание.

Именно формирование национального самосознания было главной задачей наших уроков истории. Мы должны были не просто изучать факты, но и выражать свое отношение к событиям прошлого. Мы были приучены всякий раз, когда византийский император ослеплял и убивал болгарских солдат, высказывать неодобрение. А когда наш король разбивал византийские войска, мы должны были испытывать гордость.

Когда я начал расширять свой проект — «Карту стереотипов» — и к середине 2009 года опубликовал еще несколько сатирических карт, многие люди решили, что я преследую какие-то тайные политические цели или просто пытаюсь заработать на том, что оскорбляю других. Совпадение это или нет, но у всех этих критиканов было сильно развито чувство национального самосознания. Они были из разных уголков земного шара, и единственное, что их объединяло, — убежденность в том, что их родная страна — самая великая на Земле.

К СЛОВУ О ПРЕДУБЕЖДЕНИЯХ

До того как из-под пера итальянского поэта эпохи Возрождения Джироламо Фракасторо вышло слово «сифилис», люди называли эту знаменитую болезнь по-разному. Итальянцы, немцы и поляки окрестили ее «французской», а французы «итальянской». Голландцы утверждали, что она не иначе как испанская. Русские искренне считали, что это польская болезнь. А турки-османы, обитавшие на юге, решили не мелочиться и назвали ее просто-напросто «христианской» заразой.

Могут поспорить, что бледная трепонема — бактерия, вызывающая сифилис, — способна различить этническую принадлежность организма, в котором поселяется. Гораздо более разумное объяснение такому множеству названий можно найти в борьбе политических сил того времени. Франция была главным врагом Священной Римской империи, гигантского конгломерата, который объединял бесчисленные маленькие княжества

Германии и Италии. К северу Нидерланды начали восставать против испанского господства, а Польша была главным соперником России в Восточной Европе. Что касается Османской империи, то она считала остальную часть континента просто смещением стран, управляемых безбожниками с сомнительной моралью. Все-таки PR и пропаганду изобрели не вчера. Этнические противостояния всегда были плодородной почвой, на которой буйным цветом расцветали стереотипы.

Представление о чужестранце как о некоем источнике зла всегда было столпом, вокруг которого формировалось самосознание обычного племени. По мере развития туземных обществ это мировосприятие становилось краеугольным камнем их традиций и религиозных ритуалов. Самые первые войны преследовали одну-единственную цель — захватить и убить шамана вражеского племени,

МИР ГЛАЗАМИ ПЕРВОГО ЧЕЛОВЕКА

МИР ГЛАЗАМИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Цивилизованный мир

Вонючие
рыжие человечки

Побитые троянцы

Рай для гангстеров

Край
безумных
королей

Конеложцы

Сердитые шпачки

Императоры
в бабских платьях

Подбрасыватели
монет

Продавцы букв

Накрашенные мужики

Верблюдоложцы

Фондовая биржа

Калифорния

Плохие оливки

Дикий Запад

который был избран своими суеверными братьями и сестрами как человек, призванный вести диалог с мистическими силами Вселенной.

Те, кто называет древнейшей профессией проституцию, забывают, что ее по меньшей мере на пару столетий опередил шаманизм. Шаманы были не просто вольнонаемными шарлатанами, которые занимались тем, что нагло обманывали своих невежественных сородичей. Такое их восприятие оскорбило бы этих людей, которые несли на своих плечах поистине тяжкую ношу.

Шаманы пытались постичь сакральный смысл ссылаемого и воспринимаемого людьми мира. Они должны были объяснять, почему солнце каждый день появляется над горизонтом, почему вода падает с неба, почему попа зудит, если не потереть ее как следует, почему пчелы садятся на цветы, а также давать ответы на многие другие вопросы, один щекотливее другого. Неудивительно, что шаманов часто изображают курящими. После нескольких вопросов такого рода любой бы нервно закурил.

Шаманы подготовили почву для первых политиков, которые быстро овладели искусством винить во всех возможных несчастиях соседние племена и их жестоких богов, оправдывая войны заявлениями о культурном превосходстве. Так вопиюще

эгоистические военные кампании выдавались за альтруистические миссии, преследующие своей целью приобщить дикарей к цивилизации, — и это задолго до Джорджа Буша-младшего.

Древние греки считали свою культуру венцом человеческого прогресса, а всех остальных воспринимали как подражателей и обычных зевак. И им ничуть не прибавили скромности контакты с другими продвинутыми цивилизациями, например с финикийцами, у которых греки заимствовали алфавит, или египтянами, у которых они научились строить храмы, стоящие веками и выдерживающие даже землетрясения.

Если чувство превосходства возникает даже в такой ситуации, вообразите себе, что происходило на Дальнем Востоке, где Древний Китай с геометрической точностью разрастался вокруг своего географического центра, не имея сколько-нибудь значимых соперников среди других государств. Там не было ни Средиземного моря, которое могло разделить страну на две части, ни бесчисленных крошечных островков, где маргиналы могли найти убежище и призывать разочарованную молодежь к неповиновению. Император находился в самом центре материального и интеллектуального мира, его око было всевидящим, власть — абсолютной, и по положению он был равен Богу.

МИР ГЛАЗАМИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Если Его Божественное Величество чихнуло, весь Китай должен был автоматически подхватить простуду.

При такой идеальной политической системе даже не нужно было придумывать какие-то истории, чтобы объяснить происхождение варваров за границами государства. В то время как древние греки прибегали к помощи мифологии, древние китайцы обращались к прозе. Они просто-напросто говорили о северных, восточных, южных и западных болванах.

Подобное слияние идеологического и географического центров можно наблюдать на большинстве средневековых карт Европы, которые сохранились до наших дней. Учитывая историческую сложность и многообразие Европы, они потрясающе колоритны. Такие шедевры, как, например, Херефордская и Эбсторфская карты XIII столетия, созданы не только с целью навигации — они соединяют в себе мифологию, религию, географию и историю. В результате мы видим почти энциклопедические коллажи, центром которых является Иерусалим, а вершиной мира — небесный трон Иисуса.

На этих картах можно обнаружить самую изысканную подборку стереотипов, предубеждений и иллюзий, на которые способен человеческий разум, и все они тщательно проиллюстрированы и снабжены

примечаниями. Христианское представление о мире с его святыми местами переплетается с мировосприятием древних греков, согласно которому полюса Земли были населены мутантами, ставшими таковыми из-за суровых погодных условий. Тут надо заметить, что средневековые люди, как и древние греки, не особенно беспокоились по поводу неподтвержденных фактов.

К примеру, на Дальнем Востоке, по их мнению, обитало племя большеногих людей, которые использовали свою единственную гигантскую ногу в качестве зонтика, закрываясь ею от палящих лучей солнца и тем самым успешно снижая риск развития меланомы. Африку населяли циклопы и четырехглазые люди, появившиеся, судя по всему, в результате опытов, производимых в древней лаборатории, которая специализировалась на трансплантации глаз. А по пустынной вымерзшей Сибири кочевали сыны Каина, сосланные туда Александром Великим, и выжидали удобного случая, чтобы устроить кровавую бойню.

Но одно из самых интересных мест — это Северная Скандинавия, страна людей с собачьими головами. Существование этой странной расы было крайне сомнительным, но тем не менее представляло собой серьезную теологическую проблему. Средневековые ученые никак не могли решить, была ли у этих существ душа и, соответственно, могли ли они

мир глазами средневековых людей

на основе херефордской карты xiii века

рассчитывать на спасение, если обратятся в христианскую веру.

Этот гротескный парад уродов одновременно поражает и обескураживает. Одно дело, если люди предаются выдумкам, чтобы на время отвлечься от реальности. Но ведь они действительно во все это верили!

В наш век высоких технологий скоропальные выводы особенно опасны. Но в состоянии ли мы раз и навсегда избавиться от предубеждений? Конечно, можно принимать их как данность, как свойственный человеческой природе недостаток. Однако список постулатов, которые считались незыблемыми, а позже были опровергнуты, длиннее, чем наша ДНК. Все, что сегодня представляет исключительную важность, завтра может стать несущественным. Отцы афинской демократии считали рабовладельческий строй основополагающим для общества и просто не могли представить себе жизнь без рабов. И что в результате? Теперь мы тактично стараемся не упоминать об этом факте всякий раз, когда поем оды Древней Греции как колыбели западной цивилизации. Идеологическая гигиена в ярчайшем своем проявлении!

У меня, разумеется, нет ответов на все вопросы, но их нет и у так называемых историков, утверждающих, что человеческому разуму не под силу преодолеть свои нынешние

несовершенства. И если уж на то пошло, то этим должна заниматься психология, а никак не история.

История — странное создание. Она способна ослепить нас нашим же отражением, когда мы бросаем взгляд в ее глубокие таинственные воды. Многие из нас утонули в них, прямо как мифологический Нарцисс, чья влюбленность в собственную красоту оказалась сильнее, чем инстинкт самосохранения. Те, кто не знает историю, рано или поздно наверняка повторят ее. Но даже тех, кто знает, может постигнуть та же участь, если они будут толковать исторические факты исключительно в свою пользу.

Оставив в стороне вопрос о неизбежности, скажу вот что: для того чтобы преодолеть предвзятость, нужно просто почаще упражнять извилины. Если мы перестанем принимать за чистую монету все взятые с потолка идеи, которые изрыгают рекламные агентства в своих бесчисленных PR-кампаниях, и возьмем на себя ответственность за свой выбор, то не только избавимся от большинства предрассудков, но и существенно улучшим качество своей жизни в целом. В глобальном мире, где информация передается быстрее мысли, предрассудки — это всего лишь один из побочных эффектов интеллектуальной лени.

ПЛОСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА

Я всегда пытаюсь обходить стороной шаблонные туристические достопримечательности, но в конечном итоге все-таки оказываюсь на вершине очередной башни, чтобы с высоты птичьего полета взглянуть на город, который посетил. Обычно друзья тащат меня наверх фотографироваться, а я ворчу себе под нос, что ненавижу делать то, что делают все.

Спустя два часа после того, как я впервые приземлился в Риме, я уже был на куполе собора Святого Петра. Вид оттуда и впрямь неплохой, но одержимость городскими пейзажами все-таки не входит в число моих слабостей. Я помню, что меня больше впечатлили общественные туалеты на крыше собора, прямо под куполом, потому как для туриста в Риме найти, где справить нужду, — задача не из простых.

Через несколько лет я приехал в Стамбул, и меня стали уговаривать забраться на Галатскую башню. Узнав, что в ней есть лифт, я решил, что несколько снимков со смотровой площадки мне не помешают.

И тут меня поразило следующее. Я смотрел на то место, которое считалось границей между Европой и Азией. Всего в каком-то километре отсюда, в этом городе, по другую сторону узкого Босфора, уже начиналась Азия. Я надеялся

увидеть контраст между двумя частями света — его не было! На той стороне все казалось таким же: те же здания, те же люди, говорившие на тех же самых языках, жившие в том же городе, разделенном двумя континентами.

Нет, не разделенном. Вот Берлин был разделен. Берлин был городом, в котором два мира противостояли друг другу. Там можно было считать, что тебе несказанно повезло, если ты пересек город и тебя не застрелили. В Стамбуле есть два моста и сотни корабликов, которые могут перевезти тебя на другую сторону. Нет никакой стены. Пролив — это супермагистраль. В XVII столетии человек по имени Хезарфен Ахмет Челеби даже умудрился перелететь с одного берега на другой при помощи искусственных крыльев — он прыгнул с Галатской башни, а приземлился на площади в азиатской части города.

Тот, кто решил считать это место границей между Европой и Азией, был полным идиотом. Нет никаких географических, исторических или культурных причин проводить границу по проливу, на берегах которого стоит город, который больше тысячи лет был самой могущественной европейской столицей! Стамбул — это все что угодно, только не знак препинания. В этом качестве более уместен был бы город

вроде Лиссабона — вот то, что надо, если вы хотите поставить точку или, наоборот, начать предложение в разговоре о Европе.

Когда оказываешься на верху башни Белен в португальской столице и смотришь на бескрайний Атлантический океан, то ощущаешь самую настоящую пустоту — так что сердце сжимается. Этот город стоит на краю континента так же долго, как Стамбул — в его центре. Многие века то, что лежало за океаном, относилось к области мифологии. Сад Гесперид, таинственные острова Антилия и Туле, затонувшая Атлантида — все это существовало за неизменным горизонтом Атлантики и жило лишь в воображении поэтов и мечтателей. Но даже Лиссабон сейчас изменился. После того как Португалия основала свою торговую империю, он стал пульсирующим сердцем мировой цивилизации, простирающейся от Южной Америки до берегов Индонезии.

Вероятно, можно проследить границу Европы и на севере, где расположилась Исландия, разделенная Среднеатлантической грядой, от которой расходятся американская и евразийская тектонические плиты. Но даже там граница кажется размытой, потому что немного западнее находится Канада, а главой этого государства является британская королева, живущая в Лондоне.

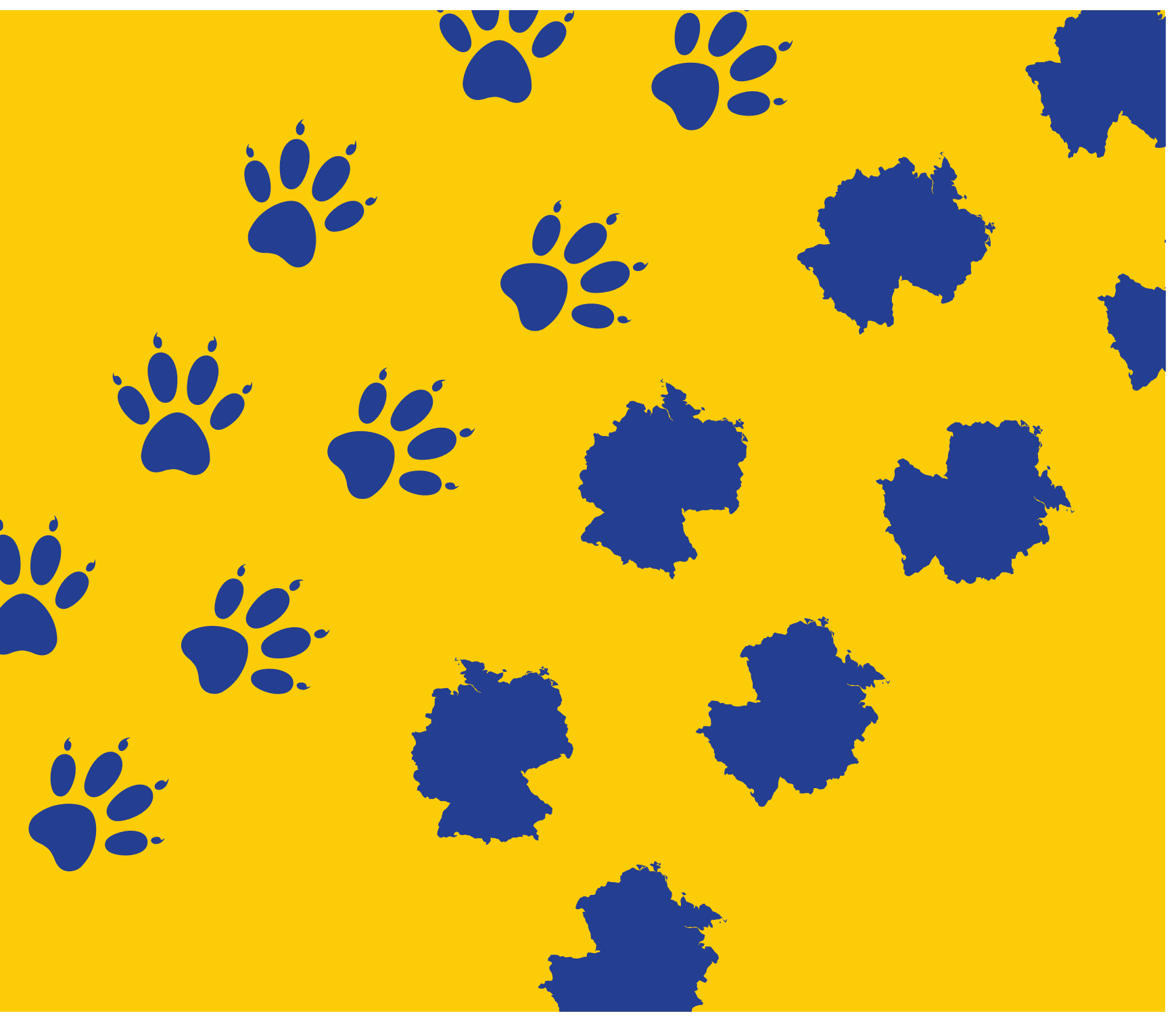
Так где же начинается и где кончается Европа?

Если вы спросите об этом британца, он наверняка ответит, что Европа начинается

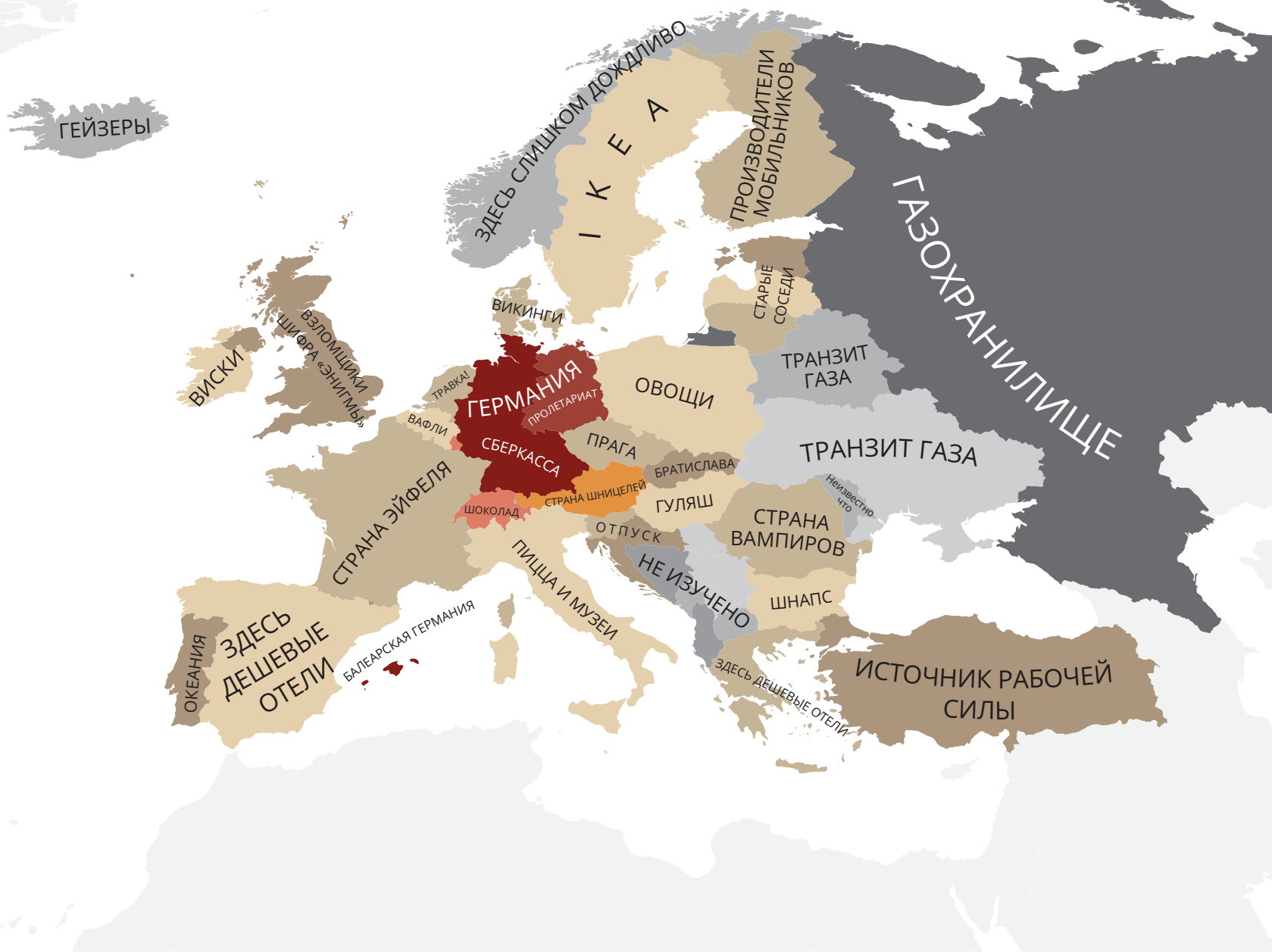
в Кале и кончается где-то в финских болотах. Верные традициям британцы часто лишают Россию привилегии (надо сказать, сомнительной) считаться истинно европейской страной, даже несмотря на то, что она занимает треть континента. Да и сами россияне поморщатся, услышав столь узкое определение, и не слишком вежливо напомнят вам о том, что их земля граничит с Северной Кореей и является не европейской и не азиатской, а русской.

Выходец из Латинской Америки наверняка охарактеризует европейцев как банду жадных империалистов, уничтоживших все самобытные культуры Нового Света, хотя больше половины стран европейского континента никогда не имели ни одной колонии и сами были завоеваны, разделены и веками управлялись чужестранцами.

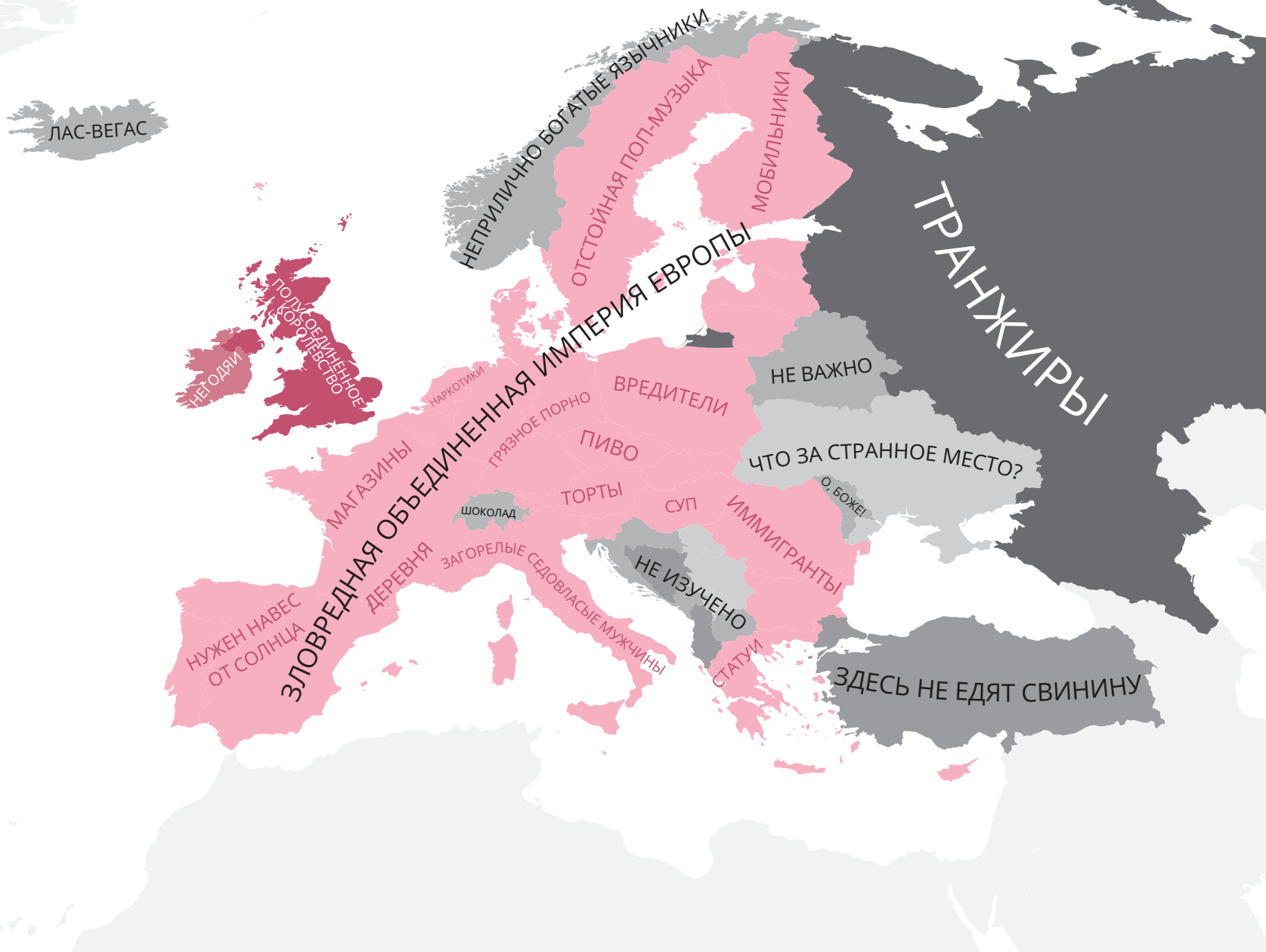
Во время одного из моих визитов в испанскую Кордову я увидел на улице табличку с надписью: «Пожалуйста, ведите себя как европейцы и не трогайте цветы!» Подобные призывы я слышал и в своей родной Болгарии, где слово «европеец» часто используется в качестве собирательного образа человека более цивилизованного, чем мы. Это некий недостижимый идеал, в который никто не верит, но все пытаются ему следовать. Порой даже сами европейцы не считают себя таковыми, но одно точно: граница Европе нужна, как корове седло... или рыбе велосипед.

ЕВРОПА ГЛАЗАМИ ГЕРМАНИИ В НАШИ ДНИ

ЕВРОПА ГЛАЗАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАШИ ДНИ

ЕВРОПА ГЛАЗАМИ БОЛГАРИИ В НАШИ ДНИ

